Серыя «У дапамогу педагогу»
заснавана ў 1995 годзе

Навукова-метадычны часопіс
Выдаецца з I квартала 1997 года
Рэгістрацыйны № 842
Выходзіць штомесяц са студзеня 2006 г.

ГІСТОРЫЯ
ПРАБЛЕМЫ ВЫКЛАДАННЯ

"У дапамогу педагогу" Серыя

№ 5 (47) ' 2006

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

М. І. МІНІЦКІ — галоўны рэдактар, *кандыдат гістарычных навук*

У. В. ТУГАЙ — першы намеснік галоўнага рэдактара, *доктар гістарычных навук, прафесар*
Н. М. ГАНУШЧАНКА — намеснік галоўнага рэдактара, *кандыдат гістарычных навук*
Л. В. САЛАМАХА — адказны сакратар
І. І. БАГДАНОВІЧ, *кандыдат педагагічных навук*
С. В. ПАНОЎ, *кандыдат педагагічных навук*
С. М. ХОДЗІН, *кандыдат гістарычных навук*
В. М. ШУТАВА, *кандыдат гістарычных навук*
Л. У. ЖЭРКА

РЭДАКЦЫЙНАЯ РАДА

У. В. ТУГАЙ — старшыня
М. М. ЗАБАЎСКІ, *доктар гістарычных навук, прафесар*
А. А. КАВАЛЕНЯ, *доктар гістарычных навук, прафесар*
В. А. КАПРАНАВА, *доктар педагагічных навук*
І. В. КАРПЕНКА
Г. А. КОСМАЧ, *доктар гістарычных навук, прафесар*
У. С. КОШАЛЕЎ, *доктар гістарычных навук, прафесар*
М. С. СТАШКЕВІЧ, *доктар гістарычных навук, прафесар*
В. М. ФАМІН, *доктар гістарычных навук, прафесар*
І. І. ЦЫРКУН, *доктар педагагічных навук, прафесар*

Заснавальнік і выдавец —
Установа «Выдавецтва "Адукацыя і выхаванне"»
Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

220004, г. Мінск, вул. Караля, 16; тэл.: 200-02-28 (адк. сакратар),
200-10-73 (аддзел маркетынгу), факс: 200-54-10
e-mail: aiv@aiv.by, http:/www.aiv.by

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

БГПУ

ЭВАКУАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

***Игорь Груцо**, доцент кафедры славянской истории и методологии исторической науки БГПУ им. Максима Танка*

В статье исследуется такой аспект проблемы судьбы историко-культурных ценностей народов Российской империи, утраченных в ходе Отечественной войны 1812 года, как их состав и эвакуация из Москвы накануне вступления в нее наполеоновских войск. Ее материалы могут быть использованы в соответствии с «Праграмай для ўстаноў, якія забяспечваюць атрыманне агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучання» (раздел «Гісторыя. IV–XI класы»; Мн., 2003) при изучении следующих тем:

VIII класс. «Сусветная гісторыя новага часу» (XIX — пачатак XX ст.). Раздзел I. Заходняя Еўропа. Тэма: «Напалеонаўскія войны ў Еўропе». Пытанні: «Войны 1800–1815 гг. Вынікі і значэнне напалеонаўскіх войнаў».

VIII класс. «Гісторыя Беларусі новага часу (канец XVIII ст. — 1917 г.). Раздзел I. «Крызіс прыгонніцкай сістэмы (канец XVIII — 50-я гг. XIX ст.). Тэма: «Лёс Беларусі ў Айчыннай вайне 1812 г.».

XI класс. «Сусветная гісторыя (IX–XX стст.)». Раздзел I. «Свет у XIX — пачатку XX ст.). Тэма 1. «Заходняя Еўропа. Еўропа ў эпоху напалеонаўскіх войнаў». Пытанні: «Тэрыторыі і крушэнне напалеонаўскай імперыі».

XI класс. «Гісторыя Беларусі (XVIII–XIX стст.)». Раздзел I. «На зыходзе прыгонніцкай эпохі (канец XVIII–XIX ст.)». Тэма 1. «Палітычнае становішча Беларусі». Пытанні: «Вайна 1812 г. і лёс Беларусі. Вынікі вайны».

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Судьба ценностей, захваченных в Москве наполеоновской армией, — одна из проблем Отечественной войны 1812 года, до сегодняшнего дня не получившей должного освещения в историографии. Ее научное решение невозможно без выяснения вопроса о порядке эвакуации ценностей, составивших основу «московских трофеев» Наполеона.

На протяжении многих веков Москва являлась столицей Московского княжества, а затем и русского государства. Сюда стекались налоги от населения, дань с подвластных земель, трофеи, добытые в многочисленных войнах, подарки от иностранных государей. Для их хранения существовало специальное ведомство — Оружейная палата. С XVI в. она использовалась и как хранилище так называемой Большой казны, где находились наследственные сокровища русских царей.

В начале XVIII в. Оружейная палата объединяется с мастерскими, изготовлявшими одежду, украшения, оружие и прочие вещи для царя и членов его семьи. Новое ведомство получило название Мастерская и Оружейная палата, в функции которого входило и хранение всех государственных сокровищ [1, с. 212–213].

С 1727 г. в Оружейную палату стали передаваться на хранение все государственные регалии, использовавшиеся при коронации русских императоров и императриц. Пополнению ее сокровищ способствовал указ 1736 г., предписывавший передавать в нее «богатые конские уборы, старинное оружие и другие предметы, представлявшие ценность» [2, с. 114–115].

В 1806 г. Оружейная палата переехала в специально построенное здание. Для ее управления по указу императора Александра I были разработаны подробные правила. Принято считать, что именно с того времени Оружейная палата стала первым русским музеем отечественных древностей, фонды которого насчитывали более 10 тыс. предметов. Архив из 1347 рукописных книг содержал подробное описание московских соборов и церквей, находившихся в них богатств, царской утвари, посуды, оружия, ратных доспехов, конской сбруи и т. д.

В 1807 г. появилось первое научное исследование «Историческое описание древнего Российского Музея под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающегося» [3, с. 2].

Москва являлась не только столицей русского государства, но и его религиозным центром. За счет хозяйственной деятельности и многочисленных пожертвований Русская Православная Церковь скопила огромные богатства, часть из которых тратила на поддержание великолепия своих храмов. Молва о золотых куполах московских церквей разнеслась далеко за пределы Российской империи. Именно от них вошло в обиход выражение «Москва златоглавая».

Ритуальные предметы, оклады икон, подсвечники изготовлялись из серебра, украшались золотом и драгоценными камнями. Ими же расшивались и одежды священников. Поражали воображение дары, приносимые церкви. Например, боярин Морозов в XVII в. подарил Успенскому собору Московского Кремля серебряное паникадило весом 117 пудов [4, с. 98]. В каждой церкви имелось специальное помещение для хранения драгоценных предметов — ризница. Основные же сокровища Русской Православной Церкви хранились в Патриаршей ризнице в Кремле [5, с. 30].

Таким образом, Москва представляла собой «лакомый кусок» для солдат Великой армии, цементирующим началом которой, кроме железной воли императора, являлся и заурядный грабеж побежденных стран. О том, что в случае захвата Москвы ее ждет эта участь, знал и московский генерал-губернатор граф Федор Васильевич Растопчин. Именно он отвечал перед императором Александром I за порядок в столице и за эвакуацию из нее государственных и церковных сокровищ. С приближением к Москве наполеоновских войск Ф. В. Растопчин попал в сложное положение. Для предотвращения паники он вынужден был уверять население, что русская армия сильна и разобьет неприятеля на подступах к столице. Но он не мог жертвовать огромными ценностями, хранившимися в Москве, ради поддержания спокойствия москвичей. У графа оставался один выход — начинать эвакуацию сокровищ из Оружейной палаты и храмов Московского Кремля, если возникнет угроза, что русские войска покинут город без боя.

Первые признаки тревоги появились в начале августа, а окончательно определиться с решением о начале эвакуации Ф. В. Растопчин должен был после получения известия о захвате Смоленска французами [6, с. 13]. С утерей этого важнейшего стратегического пункта неприятелю открывалась прямая дорога на Москву. Неудивительно, что, прочитав донесение о падении Смоленска, М. И. Кутузов сказал: «Ключ к Москве взят».

Именно после падения Смоленска состоятельные люди начинают массовый выезд из Москвы. Ситуация в столице грозила перерасти в панику. Её возникновению способствовали многочисленные слухи о том, что городская беднота, а также крепостные крестьяне подмосковных деревень, пользуясь напряженной обстановкой, готовы устроить резню дворян, ударив в набат. Дело дошло до того, что генерал-губернатор Москвы Ф. В. Растопчин отдал приказ перерезать веревки у колоколов и запереть колокольни [6, с. 12].

Тем не менее, несмотря на падение Смоленска и нарастание паники среди

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

москвичей, Ф. В. Растопчин не отдавал прямого приказа о начале эвакуации. Если бы французы были разбиты на подступах к Москве, такой приказ поставили бы ему в вину.

26 августа 1812 г. произошло знаменитое Бородинское сражение. Кровопролитная битва не принесла ощутимого перевеса ни одной из сторон, армии остались на занимаемых позициях. Трезво оценивая ситуацию, Кутузов приказывает русским войскам отступить. В письме Ф. В. Растопчину от 27 августа он сообщал о решении отойти на шесть верст от Бородино и занять новые позиции за Можайском, особо указывая, что «чистосердечие, с которым я Вам сие сообщаю, и намерения мои должны успокоить Москву» [7, с. 327].

Растопчин не решился сообщить населению об отступлении русской армии. Напротив, по городу распространялись антифранцузские листовки — «афишки» с карикатурами на Наполеона, в которых народ убеждали, что Москва не будет сдана и что никакая серьезная опасность ей не угрожает [8, л. 5]. Беспощадно пресекались любые слухи о возможной сдаче столицы. 28 июля Ф. В. Растопчиным отдается приказ «всем иностранцам, особенно французам, либо уехать из Москвы к себе на родину, либо следовать на барках во внутренние губернии России» [9, с. 71]. Вскоре после этого француз Турне «за преклонение умов к французам» был наказан 20 ударами плеткой и выслан в Тобольск. Еще двое иностранцев, Токе и Шнейдер, получили «первый 20, а второй 30 плетей и поехали в Нерчинск за лживое пророчество, что Наполеон будет обедать в Москве 15 августа» [10, с. 7].

В донесении императору Александру I от 1 сентября 1812 г. Ф. В. Растопчин писал: «До 26 числа я употреблял все средства к успокоению жителей и одобрению общественного духа, но поспешное отступление армий, приближение неприятеля и множество прибывающих раненых, коими наполнялись улицы, произвели ужас. Видя, что участь Москвы зависит от сражения, я решил содействовать отъезду малого числа остававшихся жителей. Головою ручаюся, что Бонапарт найдет Москву столь же опустелою, как Смоленск. Всё вывезено, комиссариат, арсенал» [11, с. 268]. Иными словами, если до Бородинского сражения Ф. В. Растопчин контролировал ситуацию в Москве, скрывая от населения истинное положение дел на театре военных действий, то после поддерживать порядок в столице стало немыслимо. Вина за возможные ошибки при эвакуации и её несвоевременность перекладывалась Ф. В. Растопчиным на Кутузова, принявшего решение оставить Москву без боя.

Подготовка к эвакуации из Москвы сокровищ Оружейной палаты началась после сдачи русскими войсками Смоленска. Как писал один из буржуазных историков начала XX века: «Ф. В. Растопчину приходилось уже не медлить с вывозом из Москвы всего, что не должно было достаться неприятелю. Кроме дел судебных, сенатских и архива министерства иностранных дел, пришлось увозить заведения императрицы-матери, государственную казну, патриаршую ризницу, сокровища соборов и монастырей, да еще 60 пушек» [12, с. 58]. Поскольку одной из функций Оружейной палаты являлось хранение государственных сокровищ, можно предположить, что под государственной казной имелась в виду именно она.

Другой документальный источник свидетельствует, что, «начиная с 18 августа, когда враг был уже в Вязьме, то есть в каких-либо 220 верстах от Москвы, стали на скорую руку вывозить из Москвы казенное имущество: сокровища царские из Оружейной палаты, соборную и патриаршею ризницы, казну Воспитательного дома» [6, с. 13]. Интересно замечание о том, что ценности вывозили «на скорую руку», т. е. в спешке, а также точная дата начала эвакуации Оружейной палаты — 18 августа. О ней же говорится и в книге «Русские и Наполеон Бонапарте», изданной в 1814 г., когда все события, связанные с эвакуацией Москвы, были еще свежи в памяти. Так вот, в этой книге утверждалось, что «царские сокровища отправили еще по занятию Вязьмы, то есть после 18 августа [13, с. 63]. Есть основание считать эти сведения достоверными, так как еще 12 августа в письме к Багратиону Ф. В. Растопчин писал:

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

«...Если Вы отступите к Вязьме, я примусь за отправление всех государственных вещей» [14, с. 351].

Как зафиксировано в одном из документальных источников: «...все сокровища царские, под названием Оружейная палата, так равно и соборная ризница с богатейшими иконами Богоматери Иверской, Владимирской и проч., были вывезены заблаговременно... Сохранная казна Воспитательного дома, простиравшаяся до 30 млн рублей, также под прикрытием караула была отправлена заблаговременно...» [15, с. 112].

Таким образом, ценности Оружейной палаты вывозили из Москвы одновременно с казной Воспитательного дома, причем время начала эвакуации относится к 18 августа. Известно, что всеми «богоугодными» заведениями в Москве, в том числе и казной Воспитательного дома, распоряжался Московский Опекунский совет. В его отчете об эвакуации записано: «отправился обоз в 200 подводах 21 августа в среду поутру в 4 часа, дабы жителей города не встревожить. В Коломне погрузились на 2 баржи» [16, с. 167]. В этом городе в спешном порядке были собраны речные суда, на которые перегрузили вывезенные из Москвы ценности, а затем отправили их речным путем в Нижний Новгород.

На эвакуацию сокровищ Оружейной палаты и казны Воспитательного дома было отведено три дня, с 18 по 21 августа. За это время вряд ли было возможно вывезти все ценности Оружейной палаты, фонды которой насчитывали более 10 тыс. предметов. В пользу данного предположения свидетельствует и информация из доклада историка С. Н. Цветкова «Вывоз государственных сокровищ из Москвы в 1812 году», озвученного в начале XX века на заседании Общества ревнителей памяти войны 1812 года [17].

Из доклада следовало, что генерал-губернатор Москвы граф Ф. В. Растопчин стал принимать активные меры по эвакуации государственных сокровищ из Кремля только после окончания Бородинского сражения. За отбор предназначенных к эвакуации из кремлевских дворцов и храмов ценностей отвечали начальник дворцовой экспедиции, действительный тайный советник, сенатор и обер-церемониймейстер П. С. Валуев, а также чиновник этой экспедиции Поливанов. В обязанность последнего входила и подготовка отобранных ценностей к транспортировке. Для этой цели Поливанов затребовал у Растопчина 250 лошадей.

Катастрофическая нехватка времени заставила чиновников отказаться от эвакуации наиболее громоздких исторических реликвий Кремля и украшений его храмов, поэтому на его территории были созданы многочисленные тайники. Их заполнение и маскировка продолжалась вплоть до появления на улицах Москвы передовых отрядов наполеоновских войск.

На протяжении 39 дней гвардия Наполеона хозяйствовала в Кремле. У гвардейцев было достаточно времени для планомерного и тщательного поиска тайников. П. С. Валуев, в числе первых наведавший Кремль после оставления Москвы наполеоновской армией, вынужден был признать факт их разграбления.

Полностью вывезти из Москвы сокровища церквей и монастырей не удалось. В отличие от Оружейной палаты и других правительственных учреждений, церкви были постоянно открыты для посещения, и «наружное боголепие храмов Божьих, то, что ежедневно у всех было в глазах, оставалось в прежнем виде» [18, с. 65]. В связи с этим сохранить в тайне подготовку к эвакуации находящихся в них ценностей не представлялось возможным. Надо также учитывать, что действующие церкви играли важную роль в сохранении и поддержании порядка, и поэтому власти «...совершенным опустением церквей опасались взволновать умы народа» [19, л. 1].

По этой же причине имущество одного из богатейших соборов Московского Кремля — Успенского — вывезли частично. Первого сентября в нем проводили торжественную литургию о поражении Наполеона, спасении Москвы и Российского государства. По ее окончании управляющий Московской Епархией архимандрит Августин хотел отправить в Вологду оставшиеся в Успенском соборе драгоценности, святые мощи и иконы, однако Растопчин не дал на это согласия, считая, что такие действия приведут к народным волнениям [11, с. 268].

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Архимандрит помнил о том недовольстве, с которым пришлось столкнуться при подготовке к вывозу из Москвы чудотворных икон Иверской и Владимирской Божией Матери, почитавшихся в народе покровительницами столицы. Опасаясь, что их тайно увезут из Москвы, после чего французов ничто уже не остановит, жители установили круглосуточную охрану у Кафедрального собора и Иверской часовни, где они хранились. Буквально накануне оставления Москвы иконы были отправлены в безопасное место [12, с. 64]. Для этого по совету Ф. В. Растопчина пришлось прибегнуть к обману. Вот выдержка из его письма к Августину: «Нечаянное решение князя Кутузова оставить Москву злодею должно просить и Ваше Преосвященство отправиться немедленно, но именем Государя сообщаю Вам, чтобы Владимирскую, Иверскую и Смоленскую Богоматерей взяли с собою. Народ ночью сего не приметит, а предлог, что им хочет молиться войско. Путь Ваш на Владимир» [19, л. 3].

Понимая, что церкви станут объектом грабежей, как это случилось в Вязьме, московский митрополит Платон в последних числах августа отдал распоряжение священникам и настоятелям монастырей по возможности вывозить сокровища и драгоценности из столичных церквей. Ему даже удалось добиться от Ф. В. Растопчина выделения 300 подвод [6, с. 138].

Предполагалось, что церковное имущество будет вывезено в Вологду. Только в 3 часа ночи 1 сентября обоз с наиболее ценными предметами из московских монастырей во главе с архимандритом Заиконоспасского монастыря Симеоном покинул Москву, однако в церквях оставалось еще множество драгоценностей [20, л. 6].

Оставались невывезенными и одни из главных святынь православного христианства — мощи святых, хранившиеся в главных соборах Московского Кремля — Успенском и Архангельском. Епископ Дмитровский, Московский викарий Августин, отвечавший за сохранность ценностей и святынь московских церквей, распорядился, чтобы «мощи святых, почивающие в Успенском соборе, ежели злодей вступит в Москву, выняли из рак, и положили бы в гробницы, находящиеся над гробами патриархов; подобно сему учинили бы и с мощами в Архангельском соборе». Далее Августин объясняет, почему нельзя было эвакуировать мощи православных святых из Москвы: «Вывести с собою святыя мощи или скрыть их, когда я еще был в Москве, никак не можно было. Я скрыл было мощи Преподобного Саввы в Савин монастыре, но народ, узнав о том, пришел в ужасное отчаяние и волнение. Поэтому тотчас приказал я положить их на свое место, а скрыть тогда, когда будет неминуема опасность от неприятеля» [8, л. 6].

Фактически Растопчин принес ценности московских храмов в жертву, рассчитывая как можно дольше скрывать от народа правду о необходимости оставления Москвы. В связи с этим очень интересно свидетельство епископа Дмитровского, Московского викария Августина, писавшего в отчете Святейшему Синоду: «...я лично сносился с графом Растопчиным и представлял ему, чтоб во всех церквях и монастырях, обобрав серебряные утвари и другие драгоценности, отправить их из Москвы. Но граф не мог на сие согласиться, сказав, что церковное серебро, если попадет в руки неприятелю, не может сделать значительного для России убытка, а между тем отобрание церковных утварей может произвести в народе волнение и опасное смятение, а паче когда Москва угрожаема и потрясаема была приближением неприятеля...» [8]. В том же письме Августин сообщал, что «звенигородский протопоп за то, что некоторым священникам своего уезда советовал убирать церковные утвари, по рапорту звенигородского городничего, господином гражданским губернатором Обресковым и самим графом требован был к ответу» [8, л. 6]. Такие суровые меры возымели действие — множество серебра из церквей вывезти не успели, и оно досталось в качестве трофеев солдатам Великой армии.

Таким образом, несмотря на уверения Ф. В. Растопчина, полностью эвакуировать ценности Оружейной палаты и храмов Московского Кремля не удалось из-за нехватки времени и транспортных средств. После ухода из столицы русских войск всё в ней оставшееся пре-

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

вратилось в военную добычу Великой армии.

Выводы

1. В Оружейной палате и храмах Московского Кремля были сосредоточены историко-культурные ценности и христианские реликвии.

2. Полностью эвакуировать их не удалось. Многие из них захвачены французами и известны как «московские трофеи Наполеона».

3. «Московские трофеи Наполеона» не миф, и изучением их судьбы должна заниматься историческая наука. Поскольку в 1812 г. Беларусь являлась частью Российской империи, изучение их судьбы имеет непосредственное отношение к ее истории.

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. — СПб., 1897. — Т. XXII(43).
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. — СПб., 1895. — Т. XX(39).
3. *Валуев, С.* Историческое описание древнего Российского Музея под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающегося. — М., 1807. — Ч. 1.
4. *Малиновский, А. Ф.* Обозрение Москвы. — М., 1992.
5. *Вельтман, А.* Достопамятности Московского Кремля. — М., 1843.
6. *Бахрушин, С. В.* Москва в 1812 году. — М., 1913.
7. *Кутузов, М. И.* Письма, записки. — М., 1989.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 797. — Оп. 1. — Д. 4462. — Л. 5.
9. *Эрстрем, Э. Г.* Россия в 1812 году // Наше наследие. — 1991. — № 6.
10. *Федоров, В. П.* Москва в эпоху Отечественной войны. — М., 1911.
11. *Богданович, М. И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. — СПб., 1859. — Т. 2.
12. Москва в 1812 году. — М., 1912.
13. Русские и Наполеон Бонапарте. — М., 1814.
14. *Ниве, П. А.* Отечественная война. — СПб., 1912. — Т. III.
15. Сын Отечества. — СПб., 1813. — Ч. 4. — № 9.
16. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. — М., 1900. — Т. 5.
17. *Лискин, Ю.* Верейский след сокровищ Бонапарта // Клады и сокровища. — 1998. — № 5—6. — С. 6—7.
18. *Глинка, С.* Прибавление к русской истории. — М., 1818.
19. РГИА. — Ф. 797. — Оп. 1. — Д. 4449.
20. РГИА. — Ф. 797. — Оп. 1. — Д. 446.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Контрольные вопросы

1. Почему именно в Москве хранились главные историко-культурные ценности и христианские реликвии Российской империи?

2. Почему правительство Российской империи не занималось выяснением судьбы похищенных в 1812 году из Московского Кремля ценностей?

3. Какое отношение имеет Республика Беларусь к проблеме розыска и изучения судьбы «московских трофеев Наполеона»?